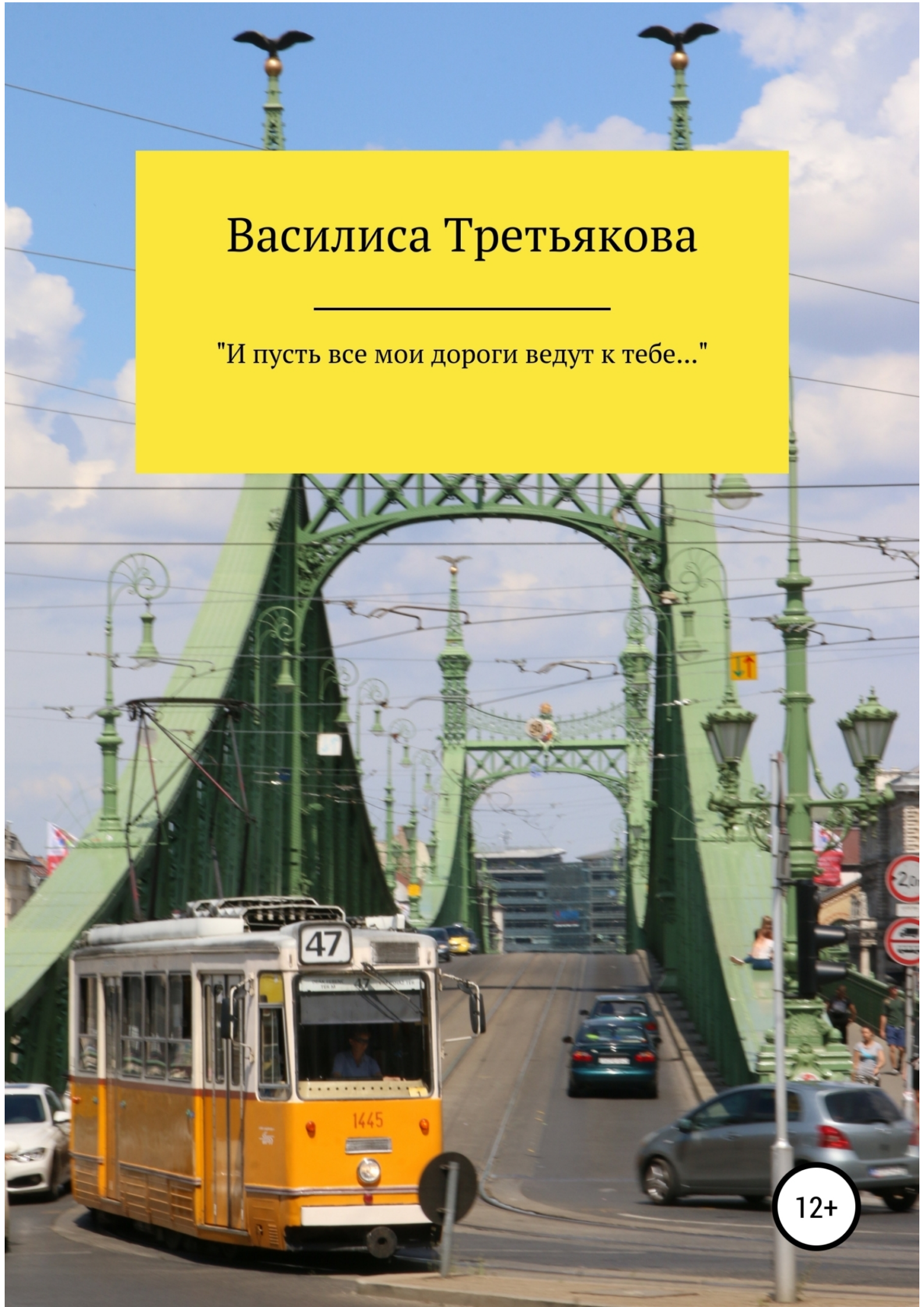

Василиса Третьякова

"И пусть все мои дороги ведут к тебе..."

12+

Василиса Третьякова

**«И пусть все мои
дороги ведут к тебе...»**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Третьякова В.

«И пусть все мои дороги ведут к тебе...» / В. Третьякова —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта странная история началась с того, что однажды в дальнем углу шкафа я нашла письма. Несколько десятков пожелтевших конвертов из далекого послевоенного Будапешта. Они пролежали на полке без малого 50 лет, чтобы рассказать о первой любви двух людей - моей бабушки и ее далекого друга. Это история не столько про любовь, она про жизнь, надежды, стремления, пути. И про то, что молодость - одинаково стремительная, не важно на каком временном отрезке она случилась.

Василиса Третьякова

"И пусть все мои дороги ведут к тебе..."

Милой путеводной звездочке, чье лучезарное сияние не раз вселяло надежду в сердце путника, немилосердной судьбой брошенного в далекие края, но никогда не теряющего надежду вернуться к своей звезде.

посвящается моей бабушке,
а также ее далекому другу

Самолет приступил к снижению и так легко приземлился, что я даже не заметила. За окном иллюминатора промелькнула вывеска на непонятном языке, и это было первое приключение, на которое я решилась одна. Незнакомый город оказался солнечным. Хотя... Если вспомнить, небо местами хмурилось и иногда накрапывало.

Раньше я никогда не думала, что Будапешт достоин внимания. Вот Вена или Прага – это старина, колорит, тут же город заранее не внушал интереса. А он встретил советскими разбитыми вагонами, австро-венгерской монументальностью и невероятными мостами. Уже с первых прогулок вдоль полузаброшенных витрин и резных дверей парадных мне показалось, что мы подружимся. И мы подружились.

Почему я пишу про Будапешт? Потому что знакомство с ним оказалось не совсем обычным. И если вы думаете, что я попала сюда, как попадают в любое другое туристическое место, то скажу сразу – это не так.

Мы не были знакомы лично с человеком, который привел меня в этот город, его не стало задолго до нашей встречи, но именно он позвал меня бродить по улицам Будапешта, и именно он первым познакомил меня с ним.

Встретились мы абсолютно случайно. Бабушки на тот момент не было лет пять, дедушка ушел год назад. Мы приехали в их квартиру, чтобы окончательно разобраться в старых вещах перед продажей. Много уже забрали родственники, остались только большущий с книгами шкаф, сервант в гостиной да пара стульев на кухне. Пока родители раскладывали по коробкам посуду, я рассматривала старые корешки на полках. Эрмитаж, Третьяковка, собрания Русского музея... Бабушка любила искусство... Оставляла заметки на полях, загибала странички про всякие балюстрады и капители. Я вытаскивала книги с полок, находила знакомый почерк, просматривала записи, откладывала в сторону и думала, что вряд ли встречу что-то интересное. Но почему-то продолжала искать. Странно, я точно знала, что меня что-то поджидает. Я перебрала большинство книг, вытащила из ящика с чувством удовлетворения исписанную мелким подчерком тетрадку, но тут же расстроилась, бабушка просто систематизировала в нее обозначения непонятных архитектурных форм: львы на Аничковом мосту, дома на Лиговском. Признаться, я почти сдалась. Интуиция меня подвела. Я присела на корточки и уставилась в глубь полок. А там лежали они. Письма. Целая стопка старых писем в пожелтевших конвертах, перевязанная веревочкой. Вот так и произошло наше знакомство. Мое и г-на Зандлер из Будапешта.

Объясню в начале, почему я так отчаянно пыталась что-то найти. Для меня всю жизнь оставалось загадкой – что за люди мои бабушка и дедушка. Помню только, что до 14 лет я обращалась к ним на Вы, по-другому мне было не удобно. Еще помню, как дедушка кормил меня подгоревшими оладушками, а бабушка водила в музеи и пыталась приучить к романсам (я проревела все детство над песней про ямщика, замерзающего в степи), а еще они давали мне почитать книги и напоминали, если я не возвращала их обратно. Однажды я взяла почитать Гюго «Собор Парижской богородицы» и, влюбившись в него, решила оставить. Они меня

потом еще долго трясли, но книгу я так и не вернула, теперь она хранится у меня, а почти вся остальная библиотека осталась новым жильцам – мы забрали только малую часть.

Так вот, дед и бабушка прожили вместе почти 50 лет, около 25 из них пришлось на мое время, но пока они были живы, мне совсем не приходило в голову расспрашивать, интересоваться их историей. Уже много позже, когда никого не осталось, в старом альбоме я нашла фотографию пожилой женщины в окружении детей, на обороте было подписано – расстреляна немцами в 41-м. Оказалось, это моя прапрабабка. А я даже не знала.

Хотя меня довольно часто отвозили к ним на выходные в детстве, да и потом они всегда приглашали меня в гости и радовались моему приезду, я так и не научилась с ними общаться.

Вспоминаю еще обязательные поездки к деду на День Рождения. Мало кто хотел, но отказаться было нельзя. На таких встречах дедушкины друзья шутили о его институтских романах, а бабушка молчала, и если все садились фотографироваться, стеснялась, чаще всего отказывалась, отворачивалась от камеры – не любила внимания. Даже сейчас, рассматривая старые семейные фото, я вижу, как она прячется за плечо деда. И вообще, казалось, что за деда бабушка вышла случайно, а всю жизнь интересовалась музеями и романсами. Они поженились по тем временам поздно – каждому было уже за 30. И в семье все тайком считали, что это был последний шанс как для той, так и для другой стороны. Но правды никто не знал, да и не интересовался сильно.

И вот тогда я сидела на паркете в тихой, уже нежилой квартире и рассматривала пожелтевшие конверты. Первое письмо, которое я развернула, было от 1951 года. «Когда я приеду, первая моя дорога будет к тебе...» И тут я поняла, что сорвала джек-пот. А еще на пол выпала старая фотокарточка, на ней красовался Парламент Будапешта.

Вернувшись домой, я подождала, пока все заснут и стала читать. С Женей или Евгением Бергманом нас разделяло без малого лет 70, но я открывала конверт за конвертом и запоем читала письма, как весточки от старого друга. Потом редела. Потом опять читала и опять редела.

В тот вечер я как будто перенеслась в другой мир, в то время, о котором могла узнать только из книг. Вместе с тем, читая страницу за страницей, мне казалось, что мы давно знакомы. Из писем я узнавала Женю, знакомилась с его жизнью, жизнью своей бабушки, тогда еще молодой девчонки. А еще знакомилась с Будапештом. Закончив читать глубокой ночью, я как самое ценное сокровище, убрала эти письма в ящик стола и поняла, что мы подружились с Женей. А еще поняла, что хочу найти его. Узнать, чем все закончилось. Так начались мои поиски...

17/VI – 47г.

Линочка, милая!

Получил твое письмо. Сейчас никто не пишет – все готовятся или сдают, и, наконец, твое письмо.

Ты спрашиваешь, как я окончил год. Сначала все шло хорошо: историю сдал на 4, остальное на 5. Последний – основы дарвинизма, по которому у меня все четверти 5. Все-таки я чуть-чуть волнуюсь: во-первых, в аттестат, во-вторых, мы уже довольно-таки устали. Мне попалась сушная чепуха: 2 естественный отбор, Энгельс о жизни, метод «ментора». Не знаю, что случилось, но я отвечал гораздо хуже, чем обыкновенно, примерно между 3 и 4. «Садись, нужно серьезнее относиться к аттестату!» «Ну, – думаю, – тройка». Проходит полтора часа, нам объявляют результаты. «Бергман -2». Можешь себе представить мое праздничное настроение. В первый день у меня человек 50 спрашивало, правда ли это, никто не верил. Результат: три в году, пересдавать можно в 4-й четверти будущего года. Я хочу осенью, что получится, не знаю.

Что я хочу делать летом? Планы следующие: изучать немецкий и английский (подчерк.), изучить автомобиль, велосипед, плавание, побольше ходить в кино (подчерк.) (зимой я почти

не ходил) и побольше читать и заниматься спортом (подчерк.) (разным). Пока выполняется только подчеркнутое. Дальше видно будет.

Линочка, во что бы то ни стало прочти «Цитадель» Кронины. Дико-мощная вещь! Все его книги хорошие, но эта особенно. Если читала или прочтешь, сообщи свои соображения.

Довольна ли ты своим ЦДСА? Я «Спартаком» доволен. Счастливы, от вас стадион «Динамо» расположен всего лишь за 5 ½ км. Как я вам завидую.

Ну вот и все. Линуська, пиши подробно обо всем: как сдала, как проводишь время, что читаешь, как твоя Grossmutter и т.д., и т.п., и пр.и пр.

Пиши как можно скорее. Буду ждать с томленьем упования.

Крепко целую

Женя

22/VI – 47г.

Линуська, милая!

Отвечаю сразу на все три письма. Ответ чуть-чуть задержался: некогда было писать, я ведь теперь работаю. Месяц я работал в ТАССе, сейчас работаю в одном экономическом журнале. Вот что получилось из моих «грандиозных» планов. Читать почти не читаю.

Линуська, у нас с тобой все время интересные совпадения: когда я получил твое письмо, я тоже был в ужасном настроении. Причина – очень длинно рассказывать, вкратце дело вот в чем. Приехав сюда, я сразу же бросился на поиски «людей». В поисках таковых я очаровывался, разочаровывался, один раз был почти влюблен, но в общем и целом все было нормальным. Только мне все это начало надоедать: в школе я всех знал, все мне надоели, другой школы нет, куда бы, как в Москве, можно было пойти, когда одна очень уж приедалась. Главным местом развлечений здесь служит клуб СКК, где каждое воскресенье бывают танцы, на которых я регулярно появлялся и где я узрел одну довольно интересную девушку лет 23-25. Мы с ней, не представляясь, познакомились. Потом я от нечего делать, просто так пошел с ней в кино. Я был поражен, она оказалась «дико» умной, тогда как я, неизвестно почему, считал ее довольно легкомысленной. Я радовался, что, наконец, нашел «человека». Но наступил великий траур. При следующей встрече она в течение 4 ½ часов мне объясняла, что она гораздо старше меня, что мы не должны и не можем больше встречаться. Все мои аргументы в пользу обратного ни к чему не привели: я должен был согласиться. В тот вечер я даже не очень расстроился. Потом пришло: мне все опротивели. Линуська, ты понимаешь, это очень странно: я совсем в нее не влюблен, но мне ясно, что здесь никто с ней не сравнится ни по уму, ни по характеру, а это значит, что я теперь не хожу ни в кино, ни на танцы, ибо ее нет, а остальные все хуже. Единственное спасение – ты и твои письма.

Могу тебя успокоить: все, что пишет Сенкевич – чепуха. Я сам убедился. Недавно я приходил еще в ужас, видя свою копию в образе Рудина. Но потом я убедился и, кажется, твердо, что разум и самоанализ могут убить только слабое чувство, сильное же не подчиняется никаким доводам рассудка.

Могу сам себя поздравить: сегодня прослушал по радио репортаж Синявского с финального матча. Молодец «Спартак»! Даже я не надеялся, что после 6:2 последует 0:2!

Крепко целую

Твой Женя

16.X.47

Линуська, милая, прежде всего извини за столько долгое молчание.

Уже месяц лежит у меня твое письмо, а я никак не соберусь ответить: отчасти дико некогда, отчасти – для того, чтобы писать, особенно тебе, нужно особое настроение, а его-то и нет.

По порядку: с 18.VIII по 8.IX здесь была группа советских артистов (Барсова, Лепешинская, Мержанов, Лиза Гинельс, Лисициан и др.). Меня прикрепили к ним, и три недели я не каждый день приходил домой ночевать. Я переводил, конферировал, критиковал, давал советы, ездил с ними по всей стране – короче говоря, жизнь кипела. Они уехали 6-ого, я всю эту неделю не ходил в школу, и мне пришлось нагонять.

Кроме того у меня накопилось большое количество моей текущей работы – экономических и литературных переводов. Если еще к этому прибавить занятия английским, спортом, в Консерватории (на концертах) и то, что мама уже почти 3 месяца лежит в больнице, то ты поймешь, что я сплю в сутки 4 ½ – 6 ½ часов.

Это то, что касается занятости. Кроме этого, мною вдруг овладела какая-то усталость по отношению к людям. Я очень много времени проводил в обществе и мне надоело концентрироваться, быть внимательны, развлекать. Я взял и ликвидировал все знакомства и дружбы, кроме двух мальчиков. Ты не представляешь, как я блаженствую. Я хожу на все концерты (больше я почти никуда не хожу) один. Это просто опьянительно.

Я в первый раз понял, как можно упиваться одиночеством. Правда, сейчас этот период проходит, и я начинаю появляться в обществах, но только в больших и стараюсь ни с кем не быть вдвоем. Ну вот, все о себе.

Линуська, отвечай скорее, я с нетерпением буду ждать твое письмо. Не забудь написать, что за «и грустный и веселый финал» был у тебя в Ленинграде. Мне очень интересно.

Привет всем знакомым

Крепко целую

Женя

P.S. Мой новый адрес: П.п. 52897- «эл»

3.I.1948

Линка, моя любимая!

В чем дело, почему ты не пишешь? Вот уже двадцать дней, как я отправил тебе письмо. Я уже боюсь дома задавать вопрос, нет-ли письма. Я не могу понять, почему ты не пишешь. Я боюсь даже думать об этом, потому что начинаю придумывать разные глупости. Но это только иногда, когда я очень изматываюсь. Я не могу верить ни во что плохое. Линуська, пойми, я всегда считал (в последние два года), что мои чувства совершенно одеревенели, да так оно и было: ничто не отражалось на моем настроении, на моей работе; но если что-нибудь случится с тобой, или переменится в твоём отношении ко мне, я просто не представляю, что со мной будет. Ты для меня все. Ты всегда со мной. Если я хоть на минуту отвлекаюсь от своей работы, я всегда ловлю себя на мысли о тебе. В ночь на новый год я предложил, чтобы каждый выпил за своей самое сокровенное желание, и, конечно, пил за нашу встречу. Недавно слышал «Элегию» (Массне) и сразу вспомнил, как где-то около пл.Пушкина оказалось, что это наша общая любимая вещь. И так все время. Сейчас каникулы, и я всюю готовлю к печати сборник Симона. Когда я перевожу, мне кажется, что каждая строчка написана для тебя.

Ну, ладно, кончаю, это ведь, собственно говоря, внеочередное письмо, и потом еще очень много работы: нужно за четыре дня проработать две главы «Капитала», а то каникулы кончаются, а нам перед сессией не дали ни одного свободного дня.

12.03.48

Линкин, милая!

Ты себе не представляешь, что я испытал, получив твое же письмо и что я переживал, пока его не было. Впрочем, ты уже, наверное, получила мое письмо от 7.03, так что ты должна знать какую жестокою казнь ты мне придумала, не посылая столько времени ответа. Подумав о

том, что мои подобные молчания причиняют тебе хотя бы одну десятую тех страданий, которые причинило мне твое молчание, я решил никогда больше не задерживать ответов тебе.

Вот и сейчас, хочется неимоверно спать, весь день я «ишачил», впереди убийственная неделя, но я мужественно пишу. Линуська, мне иногда кажется, что если бы ты была со мной, то я согласился бы на любые испытания, лишения, я был бы готов еще десять лет никого не видеть из своих друзей и знакомых, ... если бы ты была со мной! Стоит твоему письму – маленькой частице тебя – запоздать всего на один день, как мне начинает чего-то ужасно не хватать. Ну, ладно, хватит плакать. Когда-нибудь я приеду, и первая моя дорога будет к тебе.

У меня сейчас горячие дни. Много работаю. Официально считаюсь одним из лучших переводчиков в Венгрии. Перевел и отредактировал книгу «Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848-49 гг.» Перевожу и редактирую бюллетень партии ЦК на русском языке. Сегодня же началась подготовка к приему советской делегации. Я буду переводчиком у Гречухи (Председатель Президиума Верховного Совета УССР). Неделю не буду ходить в школу, которая, надо сказать, мне порядком надоела. На носу экзамены. Как у вас там? У нас сплошная паника. Однако, уповая на милость Аллаха, как-нибудь сдадим.

Так проходит время. Работа просто, работа партийная, работа общественная, занятия, изучение марксизма-ленинизма, английского, чтение, иногда учебники, иногда опера или концерт.

Ты спрашиваешь, как прошло столетие? Очень пышно, но я ничего не видел, т.к. я работал переводчиком при правительственной делегации, а такие вещи видны лучше снизу, чем сверху. Познакомился с Ворошиловым, Гречухой, Деоновым и со всем здешним правительством.

Астрономию сдал на 5. Как ты?

Вобщем, жизнью доволен, не хватает только тебя. Почему я тебя «нашел» только теперь, когда ты так далеко? Ну, ничего, зато я тебя никогда не «потеряю»!

Линуська, милая, если есть, пришли, пожалуйста, свою фотокарточку, или ты все еще боишься фотоаппарата.

01.10.48

Линуська, милая!

Сначала не было тебя, теперь нет и твоих писем. Но я все равно никогда о тебе не забываю. Хотелось бы знать, что с тобой, где ты учишься, что делаешь. У меня все в порядке, 15-ого иду в экономический институт, продолжаю много работать. Вот, собственно говоря, и все.

19.04.49

Дорогая Лина!

Я даже не знаю, как начать свое письмо. Дело не в том, что я не писал почти три месяца. Это случалось уже и прежде, и я действительно был все это время ужасно занят. Дело не в этом, а гораздо хуже: я совершил преступление против нашей дружбы, нарушил наши условия откровенности и доверия, усомнился в самой дружбе. Я не хочу оправдываться и прошу только об одном: поверь, что все, что я сейчас пишу действительно соответствует истине. Вот как это случилось:

Сначала – это началось очень давно и закончилось около того времени, когда я получил твое последнее письмо /в январе/ – я пришел к выводу, что глупо говорить между нами о любви. Глупо, потому что не реально. Я чувствовал себя в этом отношении виноватым, так как начал, собственно говоря, я. У меня здесь никого серьезно не было, и было как-то очень хорошо, что есть кто-то, на кого можно изливать потоки хороших и нежных чувств, накопившихся в груди. Но это не была настоящая любовь. По-моему, точно также дело обстояло у тебя. Я давно собирался написать тебе об этом, три раза начинал письмо, но всегда боялся, что ты

не так поймешь, приходили в голову разные глупости, и у меня не хватало мужества окончить и отослать письмо. В конце-концов дело сводится к тому, что я забыл о том, что мы прежде всего – друзья. Я оказался плохим другом. Так продолжалось около месяца.

Потом я влюбился – сначала немножко, потом полюбил крепко, может быть, на всю жизнь. Она учится на втором курсе нашего же института. Я не хочу сейчас о ней писать, не это – главное. Главное в том, что после этого я не писал тебе потому, что написать все, как есть, у меня не хватало силы воли, а написать безразличное письмо, как будто ничего не изменилось, как будто все по-прежнему, или даже просто изложить свои рассуждения вообще, т.е. солгать – это не в моих принципах. Поэтому я просто не писал. Я думал о том, что лучше все-таки написать, но в это время пришло твое письмо.

Сейчас я пишу, но не потому что думаю заглазить свою вину, а потому, что «самая горькая правда лучше неизвестности».

Я не прошу даже простить меня. После всего этого ты вправе думать обо мне все, что хочешь. Я готов выслушать любой приговор. Я прошу только ответить мне еще один раз и сообщить его в ответе.

Я не хороню нашу дружбу. В крайнем случае она останется светлым и хорошим воспоминанием.

Жму руку

/а, может быть, – прощай!/
Будапешт, Женя

Оказалось, что у семьи Жени богатая история. Первые весточки от него были подписаны Евгением Зандлером, и сначала я попробовала найти его. Все запросы в поисковике выдавали известного венгерского коммуниста, который погиб в 39-м и был похоронен в Кремлевской стене в Москве, поэтому вначале я думала, что Женя взял псевдоним того человека. Но поиски продолжались, и позже, сопоставив всю информацию, я поняла, что это его дед. А потом я случайно забрела на русско-венгерский форум в раздел поиска людей. Кто-то искал своих дальних родственников, эмигрировавших в Венгрию, кто-то – школьных друзей. Я написала, честно не веря, что что-то получится. А через пару недель какой-то человек кинул мне ссылку на статью про Евгения Зандлера, все еще того самого, похороненного в стене. Но под статьей журналист благодарил за содействие Елизавету Бергман. И у Жени как раз была сестра. Оставалось только найти того журналиста и тут пришлось потрудиться. На Фейсбуке его не оказалось, пришлось зарегистрироваться в Линкедин, и там я просмотрела десятки людей. И все-таки нашла нужного мне человека. Кажется, сначала я спросила его на английском, могу ли задать личный вопрос. А потом вывалила свою историю и прикрепила фотографии Жени и бабушки. И он пообещал помочь. Он написал, что знает Елизавету и передаст ей мое письмо. Время шло, но тогда, так и не дождавшись ответа, все-таки решила посмотреть Будапешт.

Если честно, я хотела найти ту улицу, тот дом из обратного адреса на конверте. Может быть, прочитав на дверном звонке знакомое имя, я бы позвонила. Не знаю, хватило бы у меня смелости так сделать?! Но билеты были куплены.

Я сняла квартиру в центре Будапешта, это не составило особого труда. Предложений было достаточно, и не только из серии сетевых отелей, попадались довольно интересные варианты. Я выбрала типичную маленькую двухуровневую квартирке в доме с кроватью под потолком. Видимо, все старые дома Будапешта могли похвастаться высоченными потолками, и современные жители это с успехом использовали, размещая спальные места на втором этаже.

Трехэтажный дом, в котором я жила, находился почти в самом центре города. После резных дверей парадной вы попадали в глухой внутренний дворик-колодец, где по центру выложенное плиткой виднелось углубление для стока дождевой воды. Квартиры здесь все выходили на внутренний балкон, он тянулся вдоль всего здания, и внутри мешалось и переплеталось гул-

кое эхо от шагов. Арендванная мной квартира была на первом этаже, на верхние этажи вела широкая лестница с лепниной по стенам и слоями паутины на потолке. Сначала мне показалось, что в доме давно никто не живет, но потом я прислушалась – из каждой квартиры доносились звуки. А напротив, в настеж раскрытой двери, был виден пожилой дедушка. Каждое утро я наблюдала, как он под шум старенького телевизора собирается в магазин. По вечерам я слушала дождь, капли гулко падали на отполированный пол и стремились к центру площадки.

Мне казалось, что с этим городом мы давно знакомы и он меня ждал.

Хозяйка, рассказав мне, где какие магазины и в какую сторону достопримечательности, оставила мне связку ключей и попрощалась. А я, бросив чемодан в дверях, сразу побежала знакомиться с Будапештом. Мне просто не терпелось его увидеть, посмотреть на Дунай, пройти по Цепному моту, взглянуть со стороны Буды на парламент.

Будапешт, и пусть это звучит банально, оказался собранием контрастов. Величавые статуи на зданиях, тяжелые двери с резными ручками, веселые желтые трамваи из прошлого века, снующие по центру города, памятники, разбросанные вдоль Дуная, металлические туфли на набережной, голубая вода и пар от купален, руин-бары, бедняки в спальных мешках в переходах, закрытые до вечера кафе. Город находился в каком-то легком запустении, но это его абсолютно не портило. Местами попадались разбитые витрины или полузаброшенные кафе, и даже они подчеркивали особую манкость этого места.

19.04.50

Линка, дорогая!

Получил твое письмо уже месяц назад. Не отвечал потому, что последние пол года живу по уплотненному графику. В самом конце прошлого года ЦК партии направило меня на работу в центральный аппарат Народного союза венгерской молодежи. Работаю ответственным по комсомольскому сектору международного отдела. Кроме этого продолжаю учебу в институте и веду семинар по изучению истории ВКП /б/. Вот оно и получается.

Только сейчас добрался до замечательной «Далеко от Москвы» и очень жалею: мне кажется, что если бы я прочитал эту книгу на год раньше, то я целый год делал бы втрое меньше ошибок. По силе художественного воздействия эта книга стоит у меня в советской литературе на втором месте после «Хождения по мукам», а по воспитательной силе – на первом.

Изумительно понравился «Суд чести» и «Константин Заслонов» /мы ведь ужасно отстаем в смысле кинофильмов: «Падение Берлина» только еще готовится к выпуску на экраны. Какие в Москве новые картины? Что вы читаете?

У нас здесь здорово: семимильными шагами проходим на практике историю партии. Интересно быть живым участником этого, но иногда все-таки хотелось бы посмотреть на страну осуществляющегося коммунизма. Вчера слушали на семинаре доклад о плане Давыдова, и нужно было посмотреть, как 30 человек сидело затаив дыхание и раскрыв рты слушало цифры, говорящие о преобразовании природы и человеческого общества.

Линка, ты в своем письме просишь ответить на твой вопрос, заданный в последнем письме. Откровенно говоря, я не понимаю, о чем идет речь. Дело в том, что у меня сохранилась старая привычка не иметь архивов. Я уничтожаю письма после того, как на них ответил. Ты повтори его на всякий случай в своем письме.

19.XI.50 г

Дорогая Линуська!

Скоро уже первый час ночи, но я сажусь писать, во-первых, потому что я твердо решил написать тебе в первый же день по приезде, а во-вторых, потому что хочу как можно скорее получить от тебя ответ.

Мне было очень грустно уехать не попрощавшись с тобой и не поговорив как следует обо всем, тем более, что я сделал все, чтобы вернуться из Ленинграда во вторник и вечером встретиться. Однако я был уверен, что в среду утром, до института нам удастся поговорить, но тебя не оказалось дома. Я рвал и метал по этому поводу, а в завершении, когда ты позвонила, у меня комната полна была народу, и все они сидели и ждали, чтобы я кончил укладывать вещи и идти ужинать, так что я даже по телефону не мог объяснить тебе все это, и получилось так, как будто я хотел как можно скорее закончить наш разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.